

Въ „наготѣ міровой“.

«Брошены вы средь пустыни, на камняхъ ея рас-
каленныхъ;

Вкругъ—нагота міровая въ безмолвномъ проклятіи
Бога»—

такъ обобщилъ мироощущеніе еврейства лучший поэтъ нашего поколѣнія, чуткимъ ухомъ принявшій къ самому пульсу народной души и учувшій въ ней всю невыразимую скорбь одиночества и сиротливости. Весь міръ намъ знакомъ, мы ступали и ступаемъ по всѣмъ меридіанамъ нашей планеты, нѣтъ неба, по которому не скользили бы наши глаза, но все-жъ мы опускаемъ вокругъ себя жуткую наготу, наша поступь конвульсирующе-неувѣренна и взоръ блуждаетъ, словно мы висимъ въ воздушномъ голомъ просторѣ, а подъ нами зияетъ пропасть. «Нагота міровая»—иного мировоспріятія не можетъ быть у народа, не обладающаго своей, хотя бы и малой, частицей міра, не выросшаго душевными корнями въ нѣдра этой частицы, не причувствоваго себя видѣть вселенную въ кускѣ родного, отечественнаго небосвода. Міръ нагъ и прозрачно-безцвѣтенъ для тѣхъ, у кого нѣтъ на землѣ угла, который они вѣками облачали въ ткани своихъ презрѣ и усремленій; сирый и бездомный задыхается въ безпредѣльной ширѣ обнаженнаго пространства.

И никогда мы такъ остро не ощущали этой вѣками тяготящей надъ нами кары небесъ, какъ въ эти дни напряженнѣйшей жизни и борьбы народовъ. Ужасъ «наготы міровой» никогда еще не былъ такъ ясенъ для

насъ, какъ въ это время, когда вокругъ люди твердо упирались въ почву родной земли, одновременно и защищая ее и защищаясь ею, сливаясь съ нею въ шѣчто единое и словно искони неразрывное. Міръ всколыхнулся, и тѣ тысячи еле замѣтныхъ въ историческія будни нитей, которыя связываютъ земли и народы, выступили наружу во всей своей значительности и исключительной силѣ. То сокровенное, что проявляется въ повседневной жизни народовъ малердыими, почти незамѣтными искорками, выявилось въ эти дни въ рельефомъ, сконцентрированномъ видѣ, — мы увидѣли жертвенники и пламеннющія сердца воодушевленныхъ людей и почувствовали всю жуть нашей нищеты и глядящей въ наши глаза мировой наготы. Мы вяло и безвольно плелись за другими, и въ тѣ минуты, когда вокругъ жертвенниковъ носились стройные и одухотворенные голоса молитвы, мы механически повторяли слова чужихъ молитвъ и блуждали апатичнымъ взоромъ по безразличному «shalal-hadlam». И отъ этой апатии, которая дымилась даже надъ нашей кровью, разлитой по всѣмъ полямъ великой брани, намъ стало страшно такъ, какъ можетъ и должно стать страшно при обнаженіи собственного уродства...

Многіе изъ насъ были такъ нечутки къ себѣ, что совершенно не сознавали своего уродства; другіе же пытались даже возвести его въ заслугу и тѣшили себя тѣмъ, что и у другихъ имѣются уже отдѣльные люди, которые освободились отъ излишняго, отъ вреднаго остатка былыхъ временъ, отъ ненужнаго органа любви къ родной землѣ. И вотъ пришли эти безпримѣрные дни и показали намъ, что и въ душахъ этихъ «избранныхъ» людей явственно зазвучало то, что наполняло собою коллективныя души народовъ и массъ. Мы увидѣли типичнаго человѣка, научившаго насъ внимать голосу нѣмыхъ тайнъ и понимать интимный языкъ молчанія,

который оставил свои «сокровенные сады» и «сокровища смиренных», чтоб возвысить свой голос противъ тѣхъ, кто поднималъ руку на его родину. Мы увидѣли тончайшаго и престарѣлаго скептика съ Сенскихъ береговъ, на чьихъ устахъ всю жизнь дрожалъ мотивъ Экклезиаста, для котораго нѣтъ и не можетъ быть никакого абсолюта ни въ жизни, ни въ мысли, ни въ чувствѣ—и онъ на склонахъ дней своихъ почувствовалъ единую достовѣрность, абсолютъ—родину, навегшую въ его почти уже потухшихъ глазахъ искорку далекой юности и вселившую въ его сопканную изъ сомнѣній душу непреборимое желаніе взять мечъ въ усталыя, дрожащія руки. Люди «не отъ міра сего», которые провели всю жизнь вдали отъ обиходной суеты, направляя свой пылливый умъ за грани временнаго, пространственнаго и узко-человѣческаго, люди, признававшіе какъ-будто лишь одно космическое, вдругъ почувствовали въ себѣ приливъ сыновней преданности къ вскормившей ихъ землѣ, и въ ихъ глазахъ засвѣтились совершенно новыя искорки, о которыхъ, можетъ быть, и они сами никогда не подозревали. Какъ-будто стерлись границы между яркими и сѣрыми, между избранниками и толпой, межъ богатыми и бѣдными, межъ тѣми, что годами другъ съ другомъ враждовали—въ тотъ часъ, когда призвала ихъ земля. Власть земли и чары родины сказались и на тѣхъ, кто затаявъ въ душѣ досаду, злобу и обиду, скитались по чужимъ краямъ и выкорчевывали изъ себя все то, что связывало ихъ съ изгнавшимъ ихъ отечествомъ. Все почувствовали, что въ связи народа съ его землей есть что-то таинственное и вѣчное—повсюду совершался обрядъ радостнаго самозакланія, и даже тѣ изъ насъ, что возвели «наготу мировую» въ культъ и идеалъ, должны были почувствовать себя душевно-убопими, жалкими, нищими. У всѣхъ—пробудилась сыновняя любовь, мы—пошли исполнять суровый долгъ. У другихъ ожила въ

труди надежда на осуществленіе самаго завѣтнаго, у насъ началось вялое ожиданіе ничтожныхъ, жалкихъ крохъ. Другіе полагались на свои силы, на свою отвагу и самоотверженность, мы—стали взывать къ справедливости, уповая на состраданіе и милосердіе міра. Другіе указывали міру на свой обнаженный мечъ, мы—стали демонстрировать передъ ними свои раны и искалѣченные члены. У другихъ появились союзники, съ одной, и враги съ другой стороны, у насъ—не оказалось ни тѣхъ, ни другихъ: мы никому не въ состояніи ни помочь, ни повредить, и потому одни отшеслись къ намъ съ презрѣніемъ, другіе—съ почти равносильной ему унижающей жалостью...

И мы почувствовали, что сколько бы насъ ни было на землѣ—мы все же не болѣе, чѣмъ пылъ земная; что какъ бы ни были богаты отдѣльныя изъ насъ—мы все-жъ соборный нищій; что сколько бы изъ насъ судьба ни одарила-бъ красотою, насъ все-жъ клеймитъ уродство...

* * *

Дни борьбы пройдутъ, смѣнятся днями отдыха и мира, и успокоится земля. Доля изгнанниковъ станетъ тогда еще горше прежняго, чувство нашей нищеты станетъ еще, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ въ нынѣшніе дни. Ибо тотъ, кто получитъ свою долю и осуществитъ завѣщанія мечты, познаетъ годы радости и удовлетворенія, огонь борьбы въ глазахъ смѣнится спокойнымъ взоромъ обладателя, и въ мышцахъ возродится здоровый ритмъ строительства и творчества. И даже побѣжденные, и даже тѣ, кто, будучи опраблены сильной рукою противника, обрѣтутъ утѣшеніе въ исполненномъ долгѣ, въ томъ горѣнии, что очистило ихъ души и закалвало для новой, грядущей борьбы. Безплодно пропадаютъ лишь извуряющія первыя конвульсии, барах-

танье слѣпыхъ и жалкое мычанье вѣмыхъ, — всякая крушица здоровой энергии паходить свой учетъ въ народной жизни, чѣмъ бы въ томъ или иномъ случаѣ ни кончилось проявленіе этой энергии. И когда выйдетъ страдалецъ-сынъ огрубѣннаго племени въ родное поле, онъ вдохнетъ въ себя ароматъ родной земли и почувствуетъ въ себѣ наростаніе новыхъ силъ для, можетъ быть, далекаго, но неизбежнаго часа освобожденія; чье бы знамя ни развѣвалось надъ этимъ полемъ, оно не перестанетъ оплодотворять его новыми силами и увлажнять его душу новыми соками; чей справкъ ни стоялъ бы у врата его погоста, могилы родныхъ героев не перестанутъ вселять въ него чувства внутренняго величія и вѣры въ грядущее; сколько слезъ обиды ни исторгалъ бы изъ глазъ насильникъ, засѣвшій на его землѣ, эти слезы всегда будутъ блистать вѣчною, какъ земля, надеждой и вѣрой въ лучшее дни. Но что останется намъ въ часъ подведенія итоговъ, и что мы будемъ испытывать, когда подсчитаемъ число тѣхъ, кто удобрилъ своею кровью всѣ нивы состязавшихся народовъ? Какую долю мы получимъ и въ чемъ мы обрѣтемъ новое угѣшеніе и новую вѣру? Не вспомнимъ ли тогда съ особенно щемящей болью страшныхъ словъ поэта скорби:

«Сыны мои, сыны! Чьи скажутъ вамъ уста,
За что, за что, за что надъ вами смерть нависла,
Зачѣмъ, во имя чье вы пали? Смерть безъ смысла,
Какъ жизнь — какъ ваша жизнь безъ смысла про-
жита!»

* * *

Во всемъ пережитомъ и переживаемомъ есть много такого, что въ другіе дни и на другомъ фонѣ могло бы вызвать среди насъ широкую волну мистически-лихо-

радочнаго трепета, религіознаго экстаза и ожиданія чудесъ избавленія. Мы тогда пережили бы, можетъ быть, новую полосу таинственныхъ увлеченій и слѣдующихъ за ними отрезвляющихъ разочарованій, которыя, какъ и въ былые дни, свергли бы нѣкоторыхъ изъ насъ въ историческую пропасть и внесли бы одновременно въ общенародную душу элементы новаго оплодотворенія и освѣженное начало религіознаго чувства. Но мы живемъ въ иное время, когда магическій шопотъ таинственнаго не находитъ резонанса и когда помнить только о непосредственной, творческой дѣятельности. Мы поэтому не видимъ теперь, какъ въ оныя дни еврейской скорби, образа блуждающаго еврея, который ходитъ по городамъ и весямъ и спрашиваетъ всѣхъ проходящихъ: «не видали ли, не встрѣчали ли Мессии»? Но все же каждому изъ насъ въ отдѣльности сообщается боль и обида, которая испытывается теперь еврействомъ, какъ цѣлымъ, какъ исторической категоріей, и въ нашихъ нынѣшнихъ переживаніяхъ, если глубже всмотрѣться, есть многое отъ мессіанскихъ мукъ. Въ насъ надрываешь и должно все болѣе обостряться ощущеніе невозможности переносить дальше давно уже нависающую надъ нами мировую паготу, и мы не забудемъ, не сможемъ забыть, что тогда, когда у всѣхъ дымилась алчари, мы звѣвальной поступью ходили съ сумою по большимъ дорогамъ мра, что когда другіе скрежетали зубами отъ боли, желаній и бѣшенства борьбы за цѣлость и просторъ родного очага, мы знали лишь голую, вынужденную схему чужой борьбы, въ которую мы были вовлечены шкваломъ мировыхъ событий. И чѣмъ чаще и ярче мы это будемъ вспоминать, чѣмъ острѣе будетъ въ насъ боль послѣдствія, воля къ дѣйствию и опочтленію. Будемъ же беречь наши «справданія, какъ звѣзду очага, не дадимъ заснуть въ себѣ нашей боли, не дадимъ покрыть-

ся нашимъ мукамъ толстою корою безразличной повседневности. Будемъ помнить, что эти муки святы, что въ нихъ таится и куется наша воля въ новой жизни, что въ остромъ ощущеннн недуга—залогъ оздоровленнн. Ничего безъ боли не приходитъ въ миръ, и даже земля стонетъ, когда на ея поверхность вырываются первые побѣги—можемъ ли мы не дорожить нашими муками, не лелѣять ихъ въ себѣ, какъ нѣчто драгоцѣнное, общающее и зовущее къ новой жизни и новому творчеству?
